

2 Левин, Д. Э. Памятные книжки губерний и областей в системе книжной культуры дореволюционной России / Д.Э. Левин // Памятные книжки губерний и областей Российской империи / Российская национальная библиотека. – Т.1: Европейский Север: (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии). – СПб., 2002.

3 Памятная книжка Витебской губернии на 1862 год : состояние чинов и должностей показано по 1-е января 1862 года. – Витебск : тип.губ. правл., [б.г.].

4 Памятная книжка Могилевской губернии на 1910 год / издание Могилевского губернского статистического комитета. – Могилев : губ. тип., 1910.

5 Раздорский, А.И. Памятные книжки Курской губернии: (Историко-библиографический обзор) / А.И. Раздорский // Курск дореволюционный [Электронный ресурс]. – 2011. Режим доступа: <http://old-kursk.ru/book/razdorsky/st110813.html>. – Дата доступа: 17.03.2012.

6 Саітава, В.І. Памятныя кніжкі беларускіх губерняў: агульная характарыстыка / В.І. Саітава, Т.В. Страмужэўская // Памятные книжки белорусских губерний – Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2012.

АРХЕОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ САМОСТИ КАК ИММАНЕНТНАЯ МИШЕНЬ ФИЛОСОФСКИХ ОНТОЛОГИЗАЦИЙ

В.А. Костенич, г. Могилёв, Беларусь

Мировоззренческим лейтмотивом всех философских размышлений, их глубинной интенцией и стратегической доминантой всегда являлось вопрошание о том, что составляет бытийное основание всякого (в том числе и духовного) Сущего. Причем, не только «онтологическое», но и «экзистенциальное» (смысложизненное) основание. В истории европейской философии (преимущественно, в её «объективно-идеалистической» версии), была предложена «фундаментальная модельная схема» осмысления Первоединого и Всеединства, которая в тезисном пересказе может быть сформулирована в следующих основоположениях:

1. «Изначально и Вечно», вне контекста пространственно-временных речитативов и предметно-процессуальных объективаций, бытийствует «некое» Абсолютное Первоначало. Это, своего рода, «Сущность до существования», бесконечная «бездна возможностей» (Иного), абсолютная уникальность. Для этого (апофатического) «этапа» бытия Абсолютного Первоначала проблематичны и «косноязычны» любые попытки говорить о его сути на языке метафорических изысканий, ибо, попросту говоря, ещё нет никаких «Автора и Предмета речи», а также коррелятивных их существованию пространственно-временных топологий.

2. Будучи «причиной самого себя» и, обладая потенциалом бытийной переполненности «возможностями Иного», Абсолютное Первоначало, посредством априорно присущих ему «Мирового Разума» и «Мировой Души», как бы «внутри» своей Вечности «начинает» воплощать и тиражировать себя во «Многом (разнокачественном) Ином», отчуждаясь в «инобытие пространственно оформленных временностей», где оно («теперь и отныне») становится (порой бессознательным и иррациональным) «чистым существованием», лишенным «памяти» (о своей же) предзаданной (и, одновременно, искомой) сущности». Именно на этой стадии самореализации Первоединого, в качестве одной из бытийных «ипостасей (его) Иного», пунктирно начинает «фигурировать» человек, чья миссия в бытии (со «временем») оказывается чрезвычайно важной и ответственной, ибо он, своими экзистенциальными драмами и творческими свершениями, «пробуждает» Абсолютное Первоначало к откровению собственного присутствия во всём Ином, как «своём Ином».

3. Однако «своим Иным» в «мире многообразного Иного», являются лишь те «бытийные реальности» естественноисторического и экзистенциального плана, которые «совершенно» соответствуют «своему вневременному Архетипу» и служат «посюсторонним воплощением» его идеального Смысла, задавая своим бытием образцы совпадения Сущности и существования, конечного и бесконечного, Истины и «бытия по-Истине». Здесь-то и выясняется, что вся эта, на первый взгляд, «умозрительная схема», может быть герменевтически и дидактически переинтерпретирована, как «История человеческой жизни и Судьбы», протекающая через столкновения с «инаковостями Иного», и ориентированная на обнаружение и продумывание культурно-исторических артефактов экзистенциальной подлинности, в многообразии судьбоносных для человека «со-бытий встреч» (перед лицом Иного) со своим (изъ)обруетаемым «Я».

Философское сознание всё время, в том числе и имплицитно для самого себя, ищет прямые и обходные пути-дороги к смысложизненным постижениям того, как рождается и многолико сущностно выстраивается «временность» человеческого бытия, в окружении наших собственных «инобытийных актуализаций». Речь при этом идёт не столько о том, чтобы спекулятивно оккупировать философский дискурс доморощённым изданием приватизированного «антропного принципа», сколько о том, чтобы придать траекториям философских «забегов Мысли» их антропологическую ценностную перспективу. Натурфилософская метафизика философского Разума на деле оказывается столь же «экзистенциальной», как и субъективистские онтологии неклассической философии. В каждую из них имманентно имплантирована мировоззренческая археология человеческого «Я» и вопрос только в том, в

мыслеобразах какого (приоритетного) «своего Иного» и привязанных к нему «технологий артикуляции» осмысливается категориальная картина мира соответствующего «философского домена».

Иначе говоря, философствующему человеку неизбежно приходится обращать внимание на смысловую диагностику тех исходных «бытийных зеркал», посредством пристального взглядывания в которые, мировоззренчески настроенное сознание, стремится обнаружить ариаднину нить в пространство человеческой самости. «Объектное» и «операциональное» измерения мировоззренческого поиска оказываются при этом латентно герменевтичны друг другу, ибо нуждаются в очной ставке аксиоматики исходных предпосылок и рефлексивных аккунптур методологических «рационализаций» (на предмет их совместимости в структуре конкретного философского экспериментирования с избранными мировоззренческими конструктами).

Хрестоматийная для философского мышления *диалектика трансцендентного и имманентного, их диалогическая инверсия* относительно постулированных абсолютных первоначал Сущего, *задаёт базовый ментальный код того или иного способа философствования*, имплицитно сфокусированного под танатологию и антроподицею человеческого присутствия в бытии. Одновременно (и попутно) выясняется, что трансцендируя в какое угодно «бытийное Иное», как нечто «якобы внешнее и по(ту)стороннее» по отношению к соматически, духовно и культурно-исторически идентифицируемому человеческому «Я», философская мысль перманентно «натывается» на необходимость интерпретации этого самобытного бытия в словаре «экзистенциальных забот» человеческой самости, ищущей смысловые территории для встречи с самой собой.

Неустранимый аспект «Эго-центричности» в системе онтологических построений философского дискурса свидетельствует об аксиологической паутине, в которую упакованы любые мировоззренческие (по)пытки говорить от имени самого бытия. Да, безусловно, существовало, существует и будет существовать бытие «безразличное» к факту возможного человеческого соседства с собой, но человек, в свою очередь, всегда будет жить (в уже, изначально и навсегда) «очеловеченном» мире, пропитанном неочевидными и актуальными для человека смыслами и значениями его собственной сути.

Параллельно напомним, что возникшая ещё в мифологические времена идея единства микро- и макрокосма, не просто провозгласила магическую сопричастность человеческой жизни и вселенских историй Сущего, но и завизировала определённую «синергетическую парадигму» истолкования (и преодоления) хаосов бытия в бифуркациях экзистенциального человеческого самоопределения. Применительно к

социокультурному облику самої філософії, данна ідея ініціювала інтелектуальний пафос експлікації різнообразних *тематических плацдармов* для *мировоззренческогo* смыканія «онтологических» и «антропологических» векторов Мысли, в контексте их ціннісно фундированих аранжировок.

Народная мудрость гласит: «нет, худа без добра». Осуществляемая ныне реформа гуманитарного (и, в частности, философского) образования, фактически аннулювала из реестра вузовских дисциплин, такие смыслообразующие направления экзистенциально ориентированной мысли, как *этика и эстетика*, оставив их в анналах образовательных стандартов. Между тем, масштабно ротируемые сегодня мировоззренческие тренды и тематические акценты современной философии, как раз отчётливо свидетельствует о том, что именно этико-эстетические «размерности» философской мысли составляют её непреходящую цінність и «онтологическую» значимость. Следовательно, если мы не желаем остаться «философской провинцией прошлого», нам придётся селективно учесть это обстоятельство в процессе реконструкции своих новых преподавательских стратегий.

Изучая философию, человек приобщается не к «Миру как таковому», а к собственному предназначению и миссии в «этом Мире». На кону вопрос о духовной «онтологии нашего собственного «Я», обывательски дезориентированного перед лицом таинственного и многоликого «Другого». *Необходимо научиться (интеллектуально, этически и эстетически) ответственно обживать и конгениально осваивать это «своё Иное»*, толерантно прикасаясь к трансистолическому наслідію философской Мысли.

Мысли, по-диогеновски, неустанно «искавшей Человека»! Во всём! И всегда!

ВИХІДНІ ЗАСАДИ „НОВОЇ НАУКИ ПРО ЛЮДИНУ” КАРОЛЯ ВОЙТИЛИ

М.Г. Кохановська, г. Львов, Україна

Кароль Войтила виходить з існування об'єктивної правди про людину. Аналізуючи місце людини у суспільстві, мислитель наголошує на необхідності „нової науки про людину”, пріоритетними для якої були б людська ідентичність, гідність та „моральна велич”. Вивчення людини він здійснює на основі аналізу її індивідуального та суспільного буття.

До характерних особливостей, що вирізняють людину серед інших буттів Кароль Войтила відносить свідомість, а душу називає „джерелом і принципом життя, основою усіх життєвих проявів” [4, с. 23]. У ній укорінює таємницю людської сутності. Лише на основі духовності, на думку Кароля Войтили, можна розмірковувати про людину як особу: